

18+

Анна Вит

Вит. Чужое кольцо

Анна Вит

Вит. Чужое кольцо

«Издательские решения»

Вит А.

Вит. Чужое кольцо / А. Вит — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта история — не о магии и романтической любви, но вы увидите, как вода поднимается к небу, как оживают камни и как тонкие золотые нити связывают людей крепче любых клятв. Эта сага — о роде, чьи корни уходят глубину веков, что память о них хранят камни да древние, как мир, законы, где мужчины владеют силой, способной созидать разрушать, а женщины — ещё большей силой, способной удержать первых от падения. Это о Витах — странной семье по всему миру, но связанной невидимой паутиной крови и долга. Книга содержит нецензурную брань.

© Вит А.

© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Вит. Чужое кольцо	6
Предисловие	7
Часть первая. Бостон. Чужое кольцо	8
1. Весть из плена	8
2. Тот, кто рядом	11
3. Друзья	14
4. Прогулка по прошлому	16
5. Регистрация брака	18
6. Тосты и акробатика	20
7. Парк	22
8. Отец и дед	25
9. Перед вылетом	28
10. Дорога в пекло	31
Часть вторая. Багдад. Путь посвящения	33
Акт первый. Спасение Тома	34
11. Багдад — город призрак. Пыль и надежда	34
12. Ночные прятки. Щит во тьме	36
13. Почти свободны	37
14. Все вместе	40
15. Ужин в резиденции	42
16. Свобода?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вит. Чужое кольцо

Анна Вит

© Анна Вит, 2026

ISBN 978-5-0070-0032-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Вит. Чужое кольцо

Предисловие

Эта история — не о магии.

Хотя вы увидите, как вода поднимается к небу, как оживают камни и как тонкие золотые нити связывают людей крепче любых клятв.

Эта история — не о любви.

Хотя она начнётся с брака, заключённого не по любви, а по отчаянной необходимости, и вы будете следить за тем, как двое чужих людей пытаются стать семьёй.

Эта история — о роде.

О семье, чьи корни уходят в такую глубину веков, что память о них хранят лишь камни да древние, как мир, законы. О, где мужчины владеют силой, способной созидать и разрушать, а женщины — ещё большей силой, способной удержать первых от падения. Где пары носят на пальце кольцо из малахита — не просто украшение, а живой индикатор связи, верности и боли.

Это сага о Витах — странной, замкнутой семье, рассеянной по всему миру, но связанной невидимой паутиной крови и долга.

Вы увидите их такими, какие они есть: властными и уязвимыми, жестокими и нежными, бесконечно далёкими и пугающе близкими. Вы узнаете их законы, порой кажущиеся тиранией, и поймёте, что за каждым правилом стоит не прихоть, а выживание.

В этой паутине много нитей, и каждая — чья-то судьба. Здесь переплетаются прошлое и будущее, долг и страсть, власть и смирение. Здесь рождаются и умирают, любят и ненавидят, теряют и находят. И у каждой истории — своя цена.

Добро пожаловать в дом Витов. Здесь говорят молча, любят навечно и платят за силу самую высокую цену — самих себя.

Часть первая. Бостон. Чужое кольцо

1. Весть из плена

Бостон дышал океаном. Ветер с Атлантики гнал по набережной Чарльз-ривер мокрые листья, трепал флаги у входа в офисное здание «Норт» и приносил запах соли. Сентябрьский дождь — мелкий, затяжной, какой бывает только в Новой Англии — барабанил по стёклам, размывая очертания краснокирпичных домов за окном.

Маргарит стояла у окна переговорной на двенадцатом этаже и смотрела, как серые облака ползут над заливом. Она любила этот город. Здесь прошло её детство, здесь она выучилась, здесь работала. Но сегодня Бостон казался чужим — слишком спокойным, слишком далёким от того, что происходило за тысячи миль отсюда.

Три дня назад похитители вышли на связь. Томас Стэнли, американский солдат, пропавший без вести во время патруля, был в плену. Условие: выкуп. И доставить его должна лично она, Маргарит. В Багдад. Похитители подчеркнули: никакой огласки, никаких властей, иначе Том умрёт.

Она отвернулась от окна и села за стол. Рядом — Роберт, её сводный брат. Напротив — Алекс, финансовый аналитик, её друг и коллега. У торца стола — Микки Логос, их единственный контакт в Красном Кресте, согласившийся помочь неофициально. На столе лежали карты, фотографии блокпостов, копии факсов и видеокассета — холодный чёрный пластик, в котором был заключён голос Тома. Всего несколько слов, но Маргарит узнала бы его интонацию из тысячи.

— Сопровождение мы уже обсудили, — говорил Роберт, постукивая карандашом по карте. — Вэл летит с Мегги. Эмиратец, говорит по-арабски, знает регион. Лучше не найти.

— Билеты на послезавтра, — добавил Алекс. — Амман, потом машиной до границы.

— Его пропускают без проблем, — кивнул Микки. — А вот с Маргарит...

Он положил на стол факс.

— Сегодня утром пришёл ответ. Иракские власти требуют, чтобы женщина до двадцати пяти лет въезжала в страну только в сопровождении отца, брата или мужа.

В комнате повисла тишина. Слышно было только, как дождь барабанил по стеклу.

— Так, — Роберт потёр переносицу. — Давайте по порядку. Что можно сделать? Отца нет. Брат и муж?

Алекс загнул палец:

— Я женат. Остаёшься ты и Вэл.

— Хорошо. — Роберт заговорил размеренно, как юрист, раскладывающий дело по полочкам. — Смотрю на себя. Сводный брат, фамилии разные — Трейд и Де-Вит по матери. Чтобы доказать родство на иракской границе, нужны свидетельства о рождении с общим отцом. У нас отцы разные — не докажем. Только жениться.

— Ты американец. В Ираке после «Бури в пустыне» это красная тряпка. Мозаика с Бушем на полу отеля «Ар-Рашид» — не шутка.

Микки согласно кивнул:

— Два американца в одной машине на границе — это много.

— Резонно, — хмыкнул Алекс. — Теперь Вэл.

Роберт перевёл взгляд на карту, словно сверяясь с невидимым списком:

— Вэл — гражданин Эмиратов. Язык знает, культуру знает. Холост. Фамилия — Де-Вит, как у Мегги. Свидетельство о браке — и никаких вопросов на границе. Плюс он уже летит, билеты на них заказаны.

— Идеальный кандидат, — подытожил Алекс. — Осталось только спросить, согласится ли он.

— Я ускорю регистрацию, — вставил Микки. — У меня есть контакты в бюро. Сделаем за день.

— Подождите, — Маргарит впервые подала голос. Все повернулись к ней. Она сидела, выпрямившись, и смотрела прямо перед собой. — Вы всё решили. Кто поедет, кто женится, кто быстрее оформит документы. А меня вы спросили?

Роберт осёкся. Алекс отвёл взгляд. Микки снова начал протирать очки.

— Мегги, мы просто ищем выход, — мягко начал Роберт.

— Я знаю, — перебила она и встала. — И я благодарна. Но если уж мне выходить замуж, то я хочу сама выбрать, за кого.

Она перевела дыхание и посмотрела на пустой стул, где обычно сидел Вэлент. В этот момент дверь тихо открылась, и на пороге появился он сам.

— Я выхожу замуж за Вэла.

Тёмно-русые волосы, безупречный серый костюм — и лицо, на котором застыло редкое выражение: он выглядел так, словно ему только что сообщили, что гравитацию отменили, а он единственный, кто об этом не знает. Пальцы, сжимавшие дверную ручку, побелели.

Маргарит обернулась и замерла. В комнате стало так тихо, что было слышно, как капли дождя скатываются по стеклу.

Вэлент переводил взгляд с одного на другого, пока не остановился на ней. Смотрел долго, изучающе.

— Я не ослышался? — произнёс он медленно.

Маргарит не растерялась. Шагнула вперёд, расправила плечи и повторила — громче, чётче, с вызовом, улыбаясь:

— Я выхожу за тебя замуж!

Вэлент моргнул. Потом выдохнул — коротко, резко, словно принимая неизбежное, и сел в торце стола.

— Ясно, — сказал он почти ровно. — А почему так скоропостижно? Ты не готова?

— К чему?

Алекс, до этого с трудом сдерживавший улыбку, всё-таки хмыкнул, стараясь снять напряжение:

— Вэл, тебе только что сделала предложение самая красивая девушка Бостона. А ты с таким лицом, будто тебя на казнь ведут. Улыбнись, друг. Вопрос жизни!

— Какой жизни?

— Тома, конечно!

— А-а-а!

Вэлент перевёл на него взгляд — в нём читалось всё ещё желание провалиться сквозь землю, но уголок его губ дрогнул.

Роберт шагнул вперёд и заговорил спокойно, как юрист, который неоднократно разруливал подобные кризисы:

— Алекс, Маргарит! Вэл, давайте по порядку. Вы запутали человека! То, что ты летишь, мы решили давно. Ты идеальный сопровождающий: паспорт, язык, регион знаешь. Так?

— Так.

— Но сегодня утром пришёл факс: Маргарит не пропустят без мужа, брата или отца. Я не кровный брат, но могу жениться. Алекс женат. Есть ещё ты. Холост, фамилия одна, документы менять не надо. Микки ускорит регистрацию. В общем, Вэл, тебе надо жениться на Мегги. Фиктивно. На время поездки.

Он говорил размеренно, уверенно, и с каждым его словом Вэлент всё больше возвращал себе контроль над лицом. К тому моменту, как Роберт закончил, перед ними снова стоял прежний Вэлент — спокойный, собранный, непроницаемый.

— Теперь понял, — сказал он коротко. Потом перевёл взгляд на Маргарит. — Мегги, временно? Я не тот...

— Я в курсе, — ответила она с улыбкой, в которой смешались нежность понимания его особенностей и вызов. — Я тебя сто лет знаю. Справимся. Временно же?

Он смотрел на неё ещё секунду, потом уголок его губ дрогнул — тень усмешки, адресованной самому себе.

— Ты этого хочешь? — произнёс он тихо.

Он взял её левую руку — осторожно, почти невесомо. Его пальцы легли поверх холодного кольца Тома, и Маргарит почувствовала, как от его прикосновения по коже пробежало тепло, словно он хотел согреть не только её ладонь, но и то, что скрывалось под чужим металлом.

— Хочу...

— Я женюсь на тебе, Маргарит Де-Вит.

— Я выйду за тебя замуж, Вэлентайн Де-Вит, — выдохнула она.

— Временно? — переспросил он, и в этом слове прозвучало что-то, чему она пока не могла найти названия.

— Временно, — повторила она, соглашаясь.

Роберт хлопнул ладонью по столу, окончательно разряжая обстановку:

— Ну вот! Дело сделано. Завтра в бюро — и в путь.

— Я сам заполню документы, — сказал Вэлент, отпуская её руку и отступая на шаг. — Фамилию менять не нужно. Просто предоставим свидетельство.

Микки поднялся:

— Я позвоню, ускорю процесс. Всё реально по плану. Аэропорт в Багдаде закрыт, лететь до Аммана, потом машиной через границу. Жду копии.

Он пожал руки мужчинам, Вэленту только кивнул и вышел.

Роберт поднялся, потягиваясь:

— Ладно, по домам. Завтра у моей сестры свадьба, надо выспаться.

— Это же... — Маргарит опустила глаза, чувствуя, как щёки заливают краска. — Просто... поженимся на время. Потом разведёмся. Никто и не заметит.

Она говорила смущённо, оправдываясь, словно убеждала в этом не столько брата, сколько саму себя, но поняла, что её не слышат.

Вэлент уже шёл к двери. У самого порога он вдруг замер — всего на секунду, едва заметно. Плечи напряглись, словно он хотел обернуться, сказать что-то ещё. Маргарит затаила дыхание.

Но он не обернулся.

— Вэл, — окликнула она, вставая.

Он остановился, не поворачивая головы.

— Ты правда не против?

Пауза. Долгая, тягучая, как сентябрьский дождь за окном.

— Том мой друг, — сказал он тихо. — Я не против.

Дверь закрылась за ним с мягким щелчком.

Маргарит осталась стоять перед столом, глядя на лежащую на нём видеокассету с голосом Тома, а в её ладони ещё теплился отголосок прикосновения Вэлента — там, где его пальцы легли поверх чужого кольца. Она смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как за ним идёт холодок: он ответил не на тот вопрос, который она задала.

За окном сентябрьский дождь всё барабанил по стеклу, смывая старый день и обещая новый — тот, что изменит всё.

2. Тот, кто рядом

Вэлент вёл машину по вечернему Бостону, не замечая дороги. Город, к которому он привык за годы учёбы и работы, проплывал за окном — мокрые после дождя тротуары Бикон-Хилл, огни витрин на Ньюбери-стрит, красный кирпич, уходящий в темноту. Он не смотрел. Перед глазами стояла Маргарит — не та, что сидела за столом переговоров, а та, что пятнадцать минут назад смотрела на него снизу-вверх и повторяла с вызовом: «Я выхожу за тебя замуж».

Он до сих пор чувствовал тепло её ладони. Там, где его пальцы легли поверх холодного кольца Тома, кожа ещё помнила — не её прикосновение, а то, как дрогнула её рука, когда он согласился.

«Я женюсь на Маргарит».

Мысль не укладывалась. Она билась о стены сознания, как птица о стекло. Дед будет доволен — он годами ждал этого шага. Отец... Отец придёт в ярьость.

Вэлент заглушил двигатель у своего дома, но ещё минуту сидел неподвижно, глядя на огни верхних этажей. Потом поднялся в квартиру.

Просторная студия встретила его идеальной тишиной. Серые стены, коричневая мебель, ни пылинки на стеклянном столе. Всё на своих местах. Ни одной лишней вещи. Ни одной живой души. Он снял пиджак, повесил на спинку стула и на мгновение замер — ткань ещё пахла ею. Не духами. Чем-то тёплым, живым, чего в этой квартире не было никогда.

Вэлент сел в кресло и набрал номер.

Экран ожил. Шон Де-Вит смотрел на него из своего монреальского кабинета — семь десятков лет, прожитых с полным осознанием своей власти, сделали его взгляд не просто зорким, а пронзительным. Так смотрят люди, которые привыкли взвешивать каждое слово, прежде чем его услышат.

— Здравствуй, внук. Ты встревожен?

— Ты знаешь про Тома Стэнли. Выкуп подтверждён, связь только с Мегги. Летим мы. Здравствуй.

Дед кивнул — не удивлённо, а скорее удовлетворённо, словно ждал именно этого.

— Микки подал документы, но Маргарит пришёл отказ. Молода, нужно сопровождение: отец, брат, муж.

Шон чуть прищурился:

— И ты согласился на последнее.

Это был не вопрос. Вэлент выдержал его взгляд.

— Да. Маргарит попросила меня сопровождать её в Багдад в качестве мужа.

— Почему не Роберт?

— Роберт? Поездка опасная. — Он помолчал. — Ты сам когда-то давал разрешение на этот брак. Завтра регистрируем. Фиктивно.

Дед молчал так долго, что Вэлент услышал в динамике тиканье его старинных часов — мерное, неумолимое, как приговор. Шон медленно достал их из жилетного кармана, щёлкнул крышкой. В тишине их разделяли только эти звуки и тысячи миль.

— Ты помнишь, что решение жениться на ней когда-то было твоим? — спросил он наконец, и в голосе не было вопроса. Был приказ вспомнить.

Вэлент закрыл глаза. Перед внутренним взором встала маленькая Маргарит с бантами — она обхватила его за шею на своём дне рождения и прошептала: «Будь со мной рядом всегда». Двадцать лет он носил этот шёпот в себе.

— Помню, — ответил он.

— Муж? — уточнил Шон.

— Да. Маргарит сказала, что разведёмся, как только вернёмся.

Дед долго смотрел на него, потом перевёл взгляд на часы. Стрелки дрогнули, отсчитывая ещё одну секунду их молчания.

— А как же Амина?

Вэлент сжал челюсти. Рука, лежавшая на подлокотнике, сама собой сжалась в кулак.

— Это был не мой выбор, — сказал он тихо, но твёрдо. — И ты это знаешь.

Шон не ответил. Только чуть заметно качнул головой — не отрицая, не соглашаясь. Потом заговорил снова, и голос его стал глуше, словно он перешёл на ту частоту, на которой в их семье говорили о самом важном.

— Ты понимаешь, что фиктивных браков в нашем роду не бывает?

Вэлент поднял глаза.

— Да. Но это её выбор.

— Я активировал её код. Ещё в начале лета, когда она приезжала в Марсель. Малахит в кольце, которое ты ей наденешь, завершит настройку. Она уже не просто твоя дальняя родственница. Она — когнат. Часть нас.

Вэлент замер. В голове вдруг сложились разрозненные кусочки: её внезапный интерес к нему после той поездки, то, как она стала задерживаться у его кабинета, проливать кофе, искать поводы для разговора. Он думал, что это случайность. Её уверенность! Или игра. Или... что-то ещё, во что он боялся поверить.

— Так вот почему она стала обращать на меня внимание, — произнёс он медленно, и в голосе его прозвучала горечь.

Шон покачал головой:

— Код не создаёт чувства, Вэлент. Он лишь убирает то, что мешает их увидеть. Она всегда была к тебе равнодушна. Просто теперь она может это осознать.

Вэлент молчал. В висках стучало. Он хотел верить деду — и боялся поверить. Потому что если это правда, то всё, что он годами считал безответной любовью, могло оказаться не таким уж безответным. А если ложь — то он снова окажется в ловушке собственных иллюзий.

— Маргарит — кровь нашего рода, — продолжил Шон. — Она должна остаться в нём. Но не по принуждению. По своему желанию. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — выдавил Вэлент. — Ты даёшь ей выбор.

— Я даю вам обоим шанс. А как вы им распорядитесь — решать вам. Я лишь создаю условия.

Вэлент опустил голову. Перед внутренним взором снова встала Маргарит — та, что сегодня смотрела на него с вызовом и говорила: «Я выхожу за тебя замуж». Она не знала о коде. Не знала, что её тянет к нему не только по собственной воле. И он не мог ей сказать. Пока не мог.

— У меня просьба, — произнёс он наконец. — Пока не говори господину Трейду о регистрации. Отцу я скажу сам.

Дед усмехнулся уголками губ:

— Хорошо, внук. Значит, Маргарит?

— Да. Я уже дал согласие... ей.

— И помни, — добавил Шон, прежде чем отключиться. — Код — это не цепь. Это компас. Он показывает путь, но идти по нему или нет — решаешь ты. И она.

Экран погас. Вэлент остался сидеть в темноте, глядя на своё отражение в чёрном стекле. Город за окном жил своей жизнью — где-то гудели трамваи, смеялись прохожие, горели окна чужих квартир. А здесь было тихо. Так тихо, что он слышал собственное дыхание.

«Ты помнишь, что решение жениться на ней когда-то было твоим?»

Он усмехнулся в темноте.

— Моим, — прошептал он пустой комнате. — Это было решение мальчишки, который не знал, что мир может рухнуть в одну секунду. Тогда я думал, что достаточно просто любить. А потом понял, что она бывает другой.

Он поднялся, подошёл к окну и долго смотрел на огни Бостона. Завтра он наденет кольцо на палец женщины, которую любил двадцать лет. Фиктивно. Временно.

«Временно», — повторил он про себя и почему-то не поверил.

3. Друзья

Бар «У Мёрфи» находился в двух кварталах от офиса «Ном» — старый, с потёртыми кожаными диванами и барной стойкой, помнившей ещё поколение их отцов. Здесь пахло жареным арахисом и пивом, а в углу вечно бормотал телевизор, настроенный на спортивный канал. Идеальное место, чтобы перевести дух, обсудить положение, не привлекая внимания.

Роберт занял их обычный столик у окна и махнул бармену:

— Четыре, Дэнни.

Алекс скинул пиджак, ослабил галстук и рухнул на диван с видом человека, пережившего налоговую проверку. Вэлент сел с краю, аккуратно повесив свой пиджак на спинку стула — единственный, кто не выглядел помятым после совещания. Маргарит устроилась напротив, подобрала ноги.

— Ну что, — Роберт обвёл всех взглядом и понизил голос, — как вам наш... замысел?

Алекс хмыкнул, принимая кружку из рук бармена:

— Если вы не справитесь, это будет не план успеха, а катастрофа. И желательно, чтобы о ней никто не узнал.

— Узнают — Тому конец, — тихо добавила Маргарит. — Похитители ясно сказали: никакой огласки.

Роберт кивнул и поднял кружку:

— Тогда за то, чтобы всё прошло тихо и Том был цел.

Они чокнулись. Вэлент едва пригубил, поставил кружку и снова уставился в стол. Маргарит заметила, как напряжены его плечи — он явно прокручивал в голове предстоящую поездку.

— Вэл, — позвал Алекс, — расслабься. Ты же у нас специалист по Ближнему Востоку. Всё будет нормально.

— Я не специалист, — спокойно ответил Вэлент. — Просто вырос в Шардже, знаю кое-что. Этого может не хватить.

— Скромничаешь, — усмехнулся Роберт. — Мы же помним, как ты в Гарварде на первом курсе уже бегло по-арабски говорил. Все думали: откуда?

— Я с детства между Эмиратами и Марселем мотался. Ещё один филиал, — задумчиво произнёс Вэлент.

— А потом к нам в Бостон занесло, — подхватил Алекс. — И это было изюминкой. Ты привнёс в нашу компанию уверенность, что ли.

Роберт усмехнулся, глядя на Вэлента поверх кружки:

— Да он с детства такой был. Помнишь, лето девяносто второго, когда у отца катер заглох прямо посреди залива? Мы все паниковали, а этот, — он кивнул на Вэлента, — молча залез в моторный отсек, что-то там подкрутил, послушал и говорит: «Свеча. И карбюратор забит». Том с тобой ковырялся. Починили. Лет пятнадцать нам было...

— А я понял это на первом курсе, — подхватил Алекс. — Помнишь, Вэл, лекцию Хендерсона по международным отношениям? Он там разглагольствовал о «культурных кодах Ближнего Востока», а ты поднял руку и на чистом арабском зачитал ему выдержку из какой-то рукописи. Хендерсон больше не умничал...

Роберт рассмеялся и хлопнул Вэлента по плечу:

— С тобой интересно! Ты ставил в тупик с чувством превосходства всех, кроме нас?

Вэлент чуть заметно покачал головой, но уголки губ дрогнули:

— Вы были единственными, кто меня не сторонился. Наоборот, сами таскали с собой.

Маргарит слушала их и вспоминала, как всё начиналось. Роберт, Алекс и Томас выросли в Бикон-Хилл, бегали на Чарльз-ривер, вместе поступили в Гарвард в семнадцать лет. Роберт пошёл на юридический, Алекс — на финансы, Том — на военную кафедру. Вэлент появился в

их компании на первом курсе — перевёлся из Европы, говорил с лёгким акцентом, держался особняком. Но быстро вписался в их мужскую компанию — не потому, что был душой общества, а потому, что, когда Том провалился под лёд на зимней рыбалке, именно Вэлент, не раздумывая, бросился в воду и вытащил его. После этого Том сказал: «Он наш». И Вэлент стал частью их круга — тихий, странный, но надёжный.

Позже всех к ним присоединилась она, Маргарит. На шесть лет младше, сестра Роберта, вечно сующая нос в их взрослые дела. Они её опекали, подкалывали, но любили. А она... она всегда смотрела на Вэлента чуть дольше, чем на остальных. Сама не понимая почему.

— А помните, — вдруг оживился Алекс, — как мы на третьем курсе делали тот дурацкий проект по логистике? И Вэл принёс схему, от которой препод выпал в осадок?

Роберт застонал:

— Не напоминай. Я три ночи не спал, пытаюсь понять, как он это рассчитал.

— А что там было? — спросила Маргарит. Она эту историю пропустила.

— Мы должны были оптимизировать маршруты поставок для вымышленной компании, — объяснил Алекс. — Все сделали стандартные таблицы, графики. А Вэл притащил трёхмерную модель с учётом погодных условий, политической обстановки и ещё чего-то, что мы даже не поняли.

— Это была карта ветров, — спокойно сказал Вэлент. — И сезонных миграций.

— Вот! — Алекс ткнул в него пальцем. — Карта ветров! Кто вообще думает о ветрах, когда речь о грузовиках?

— Да я прикололся, уверенность диалога ставил, сошло, поверили, а вы подыграли, помните? — ответил Вэлент.

Роберт покачал головой:

— Помним. Отлично все получили! И вот этот человек завтра летит с моей сестрой в Багдад. С картой ветров в голове. Том в надёжных руках.

При упоминании Тома все на секунду замолчали. Маргарит опустила глаза, чувствуя, как снова подкатывает тревога.

— Он выберется, — тихо сказал Вэлент. — Мы его вытащим.

Он не смотрел на неё, но она почувствовала — эти слова были обращены именно к ней.

— Ладно, — Роберт поднял кружку. — За Тома. И за то, чтобы вы все вернулись.

— Все и здоровы, — добавил Алекс.

Они чокнулись. Вэлент сделал глоток — больше обычного. Маргарит заметила, как дрогнул его кадык. Он волновался. Просто не показывал.

Когда они выходили из бара в прохладную сентябрьскую ночь, Роберт придержал Вэлента за локоть:

— Слушай, Вэл. Я знаю, ты не любишь, когда тебя трогают. Но... спасибо. За то, что согласился.

Вэлент посмотрел на его руку, но не отдёргнулся.

— Это не одолжение, — сказал он. — Том — мой друг. И Маргарит... тоже.

Роберт кивнул, отпуская его локоть.

— Я знаю. Просто... береги её.

— Я знаю, — ответил Вэлент.

И в этом коротком «я знаю» было больше веса, чем в любых клятвах.

4. Прогулка по прошлому

Маргарит закрыла за собой дверь спальни и прислонилась к ней спиной. Родители спали, дом дышал тишиной, но внутри неё всё гудело. Она скинула туфли и босиком прошла по ковру к шкафу, не зажигая верхнего света — только ночник у кровати разливал по комнате мягкую желтизну.

На верхней полке, за старыми свитерами, пряталась обувная коробка. Маргарит достала её, села на пол, скрестив ноги, и сдёрнула резинку.

Первое письмо лежало сверху.

«Любимая моя Мегги! Наконец нашёл минутку написать. Скучаю так, что зубы сводит. Передай привет бабушке. И спасибо за крем — ребята ржут, но я мажусь, как ты велела. Тут солнце злое...»

Она улыбнулась, но улыбка вышла кривой. Пальцы скользнули по строчкам, и голос Тома зазвучал в голове — бодрый, чуть хрипловатый после дежурства. Она помнила, как ждала эти письма, как перечитывала их по десять раз, как носила с собой в сумке.

Следующее. Ещё одно. Она выкладывала конверты на пол, как карты, и с каждым новым лицом Тома становилось всё более размытым. Вот он пишет про реку, про рыбалку, про то, как скучает. «Помнишь, как я ловил рыбу, а ты просто смотрела на меня? Целую крепко-крепко, вспоминаю наши ночи» — последняя строчка обожгла. Она резко свернула письмо, сунула обратно.

Она отложила письма и поднялась. Подошла к комоду, где в верхнем ящике лежали её «сокровища» — программки концертов, старые билеты, засушенный цветок. Пальцы наткнулись на сложенный вчетверо листок.

Программка. Концерт в кампусе, восемь лет назад. Её восемнадцатилетие.

Маргарит развернула бумагу и замерла. В углу, мелким, убористым почерком Вэлента было написано: «Мегги, пусть музыка всегда будет с тобой. Вэл».

Она провела пальцем по буквам. Вспомнила, как он играл. Она тогда почти не слушала — Том стоял рядом, и всё её существо было устремлено к нему. А Вэлент... он играл для неё. Она только сейчас это поняла.

Из программки выпала маленькая записка. «Удачи на экзамене по французскому. Ты справишься». Почерк тот же.

Маргарит прижала записку к груди. В горле встал ком. Сколько раз он так — молча, незаметно — был рядом? Рефераты, переводы, кофе перед экзаменом, дурацкие милые подарки из каждой поездки. Она принимала это как должное, не задумываясь.

Она резко захлопнула ящик и подошла к шкафу с одеждой. Распахнула дверцы, взгляд упал на синее платье — то самое, что она приготовила на завтра. «Синий — цвет его глаз. Пусть хоть на миг...»

Потом перевела взгляд на свою левую руку. Кольцо Тома. Тяжёлое, с холодным камнем, оно сидело на пальце, как чужой замок. Она покрутила его, чувствуя, как металл трётся о кожу.

«Чужое, — подумала она. — Оно всегда было чужим. Я просто боялась это признать».

Она стянула кольцо. Медленно, почти торжественно. Подержала на ладони — холодное, молчащее — и опустила в маленькую деревянную шкатулку, где хранила свои украшения. Крышка закрылась с тихим щелчком.

Маргарит выдохнула. Будто сбросила рюкзак, который тащила слишком долго.

Она подошла к окну, отдёрнула штору. Бостон спал, укутанный в мягкую сентябрьскую ночь. Где-то там, в своей стерильной квартире, Вэлент, наверное, тоже не спал. Думал о завтрашнем дне. О браке. О ней.

«Завтра я буду в синем», — сказала она своему отражению в тёмном стекле. И впервые за долгое время улыбнулась — не нервно, не через силу, а спокойно и уверенно.

Она вернулась к кровати, легла и закрыла глаза. Кольца на пальце больше не было. Но почему-то казалось, что на его месте уже греется что-то новое. Тёплое. Живое.

5. Регистрация брака

Утром 7 сентября 2000 года Вэлента разбудило сообщение: «Доброе утро! Вэл, ты можешь надеть галстук глубокого синего цвета?»

Он озадаченно посмотрел на экран. «Не пытайся разгадать логику женщин, — вспомнил он отцовские наставления. — Меня цвет галстука не трогает, но для неё это, видно, вопрос дня». Сфотографировал галстуки, отправил: «Какой?»

«Третий сверху».

К назначенному времени он подъехал к дому Трейдов. Из двери выпорхнула девушка в воздушном синем платье. Вэлент замер — её глаза сияли, полные робости и решимости. Сердце сжалось от внезапного тепла.

Всю дорогу молчали. Воздух в салоне густел от неловкости и предвкушения.

У бюро регистраций их ждали Алекс и мистер Стил, домоправитель семьи Вит.

— Всё готово, мистер Де-Вит, — Стил протянул коробочку с кольцами.

Маргарит примерила колечко с малахитовой нитью. Пальцы дрогнули.

— По размеру, спасибо. Какие необычные кольца...

— Спасибо, Стил, мой размер вы знаете, — добавил Вэлент, а внутри вспыхнула паника по-новому.

Он смотрел на кольца, и в груди росла холодная пустота. Платина. Скрытый малахит. Родовые. Шон подготовил всё всерьёз. Он хотел, чтобы внук женился. По-настоящему.

«Дед, я не имею права, — думал Вэлент. — Мне нельзя. Маргарит не может стать моей женой».

Дверь распахнулась. Нежные звуки музыки хлынули в зал. Маргарит и Вэлент обменялись взглядами. Она слегка кивнула, чуть подтолкнула его, и они двинулись к центру.

Регистратор повернулась к Маргаритам. Вопрос о согласии прозвучал как отдалённый звон. Она ответила немедля, словно боясь, что пауза разрушит хрупкую конструкцию.

Настала очередь Вэлента.

Секунда. Вторая. Тишина налилась тяжестью. Он молчал.

Маргарит почувствовала, как воздух перестал поступать в лёгкие. Его заминка полоснула по нервам. Она подняла глаза и поймала его взгляд — растерянный, словно он провалился куда-то глубоко в себя.

Он перехватил её взгляд — вопросительный, почти умоляющий, а внутри него всё кричало: «Мэгги, ты не ведаешь, что творишь. Том! Ты та самая девочка, которая ушла с другим. И сейчас здесь, ждёт моего слова, а я же не хочу на ней жениться так, как раньше. Влюблённость прошла. Всё изменилось, но она мне нужна сейчас. В её глазах нет страха. Будь что будет».

Выдохнул и выдал согласие. Коротко. Глухо.

Она протянула руку. Вэлент взял её правую руку — и на мгновение Маргарит растерялась: обычно кольцо надевают на левую. Но он уже надевал кольцо на её безымянный палец, и спрашивать было поздно. Она замерла, проглотив вопрос.

Маргарит взяла второе кольцо. Вэлент сразу подал правую руку. Её пальцы дрожали так, что она боялась выронить кольцо, а его взгляд оставался холодным, и в тот же миг кольцо на пальце Маргарит вспыхнуло мягким зелёным светом. Вэлент видел это. Знал, что теперь они связаны прочнее. Навсегда ли?

Дрожь не прекратилась, даже когда они ставили подписи. Ручка ходила ходуном, строчки расплывались. Чернила легли на бумагу, скрепляя не просто юридический документ, а их судьбы, связанные малахитовыми кольцами.

Роберт улыбался, Алекс одобрительно кивал после согласия Вэлента, Стил почтительно склонял голову.

— —

Они вышли из кабинета, и дверь закрылась с тихим щелчком. Вэлент опустился на скамью в коридоре, чувствуя, как звуки вокруг становятся глуше, словно через вату.

— С тобой всё в порядке? — Маргарит села рядом, голос полон заботы.

— Почти. Не ожидал, что всё будет настолько... серьёзно.

— Я тоже.

Пауза. Они смотрели друг на друга, и в тишине было слышно только их дыхание. Маргарит опустила взгляд на свою руку и вздрогнула: кольцо на безымянном пальце мерцало мягким зелёным светом — едва заметным, но живым, словно тлеющий уголёк.

— Вэл... — прошептала она. — Ты видишь? Оно светится.

Он проследил за её взглядом. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Это малахит, — сказал он спокойно. — Кольца золотые, но внутри — малахитовая вставка. А малахит — зелёный камень. Вот и даёт такой отблеск. Свет есть во всём, а в нём он просто... зеленее.

Она ещё пару секунд разглядывала кольцо, потом поднесла его ближе к глазам, повертела пальцем. Свечение медленно угасало, но тепло в металле осталось.

— Красивые кольца, — сказала она наконец, и голос её прозвучал мягко, почти мечтательно. — Тёплые такие. Тёплое такое...

Вэлент проследил за её взглядом. Камень внутри платины едва заметно пульсировал, словно живой.

— Малахит... он такой, — ответил он тихо. — Родовые кольца всегда тёплые. Когда всё... по-настоящему.

Она подняла глаза на Вэлента и улыбнулась — чуть смущённо, но открыто. Он не ответил, только смотрел на неё с тем странным выражением, в котором смешались облегчение и тревога.

— Мы... женаты по-настоящему? — спросила она тихо.

— Да.

Роберт, стоявший поодаль с Алексом и Стилом, взглянул на часы:

— Может, поужинаем? Здесь недалеко есть хороший ресторан.

— Конечно, — Маргарит встала, потянув Вэлента за собой. Он подчинился, и они направились к лифту. Кольцо на её пальце больше не светилось, но она продолжала чувствовать его — словно оно стало частью её самой. Тёплое. Живое. Родное.

6. Тосты и акробатика

Ресторан, куда привёз их Роберт, оказался небольшим, с приглушённым светом, живой музыкой и уютными кожаными диванами. Пахло жареным мясом и травами, в углу тихо играл саксофон. Компания заняла столик у окна — Маргарит села рядом с Вэлентом, Алекс и Роберт, напротив.

Роберт первым поднял бокал, дождался, пока всем разольют шампанское, и обвёл взглядом друзей.

— Ну что, за первый брак Вэла. Чтоб у вас с Мегги всё сложилось в Багдаде. И чтоб Томас вернулся живым.

Алекс поддержал, подняв бокал. Маргарит улыбнулась, глядя на Вэлента. Он сидел с каменным лицом, но, когда Роберт закончил, неожиданно взял бокал и встал.

— Вэл? — удивилась Маргарит. — Ты же не пьёшь.

— Сегодня можно, — ответил он ровно. Потом поднял бокал выше, глядя куда-то в пространство. — Кто не рискует... тот не пьёт шампанского.

Пауза. Он горько усмехнулся.

— А мы уже чокнутые.

Выпил залпом, до дна. Сел. Маргарит смотрела на него с тревогой и любопытством. Она никогда не видела, чтобы он пил вот так — не смакуя, а залпом, словно пытаюсь заглушить что-то внутри.

Алекс, заметив её взгляд, мягко перевёл тему:

— Ты, главное, Вэл, держись там. Мы тебя знаем — справишься. А если что, звони. Мы тут, в Бостоне, всегда на связи.

Роберт кивнул, подливая шампанское.

— Да, брат. И помни: мы с тобой с детства. Ты нас в заливе не бросил, мы тебя в Багдаде не бросим. Даже мысленно.

Вэлент ничего не ответил, но его пальцы, сжимавшие ножку пустого бокала, чуть расслабились.

— Откуда традиция чокаться? — спросила Маргарит, чтобы разрядить обстановку.

— Из России, — ответил он, не глядя на неё. — Говорят, звон бокалов отпугивает злых духов. А ещё... — он помолчал, — мужу и жене чокаться не принято. Плохая примета.

Он поднял на неё глаза и чуть заметно качнул головой. Маргарит поняла: он не будет с ней чокаться. Вместо этого они просто подняли бокалы, глядя друг другу в глаза, и выпили. Жест вышел интимным, почти ритуальным. Алекс и Роберт переглянулись, но промолчали — они уже привыкли к странностям друга.

— Вэл, — вдруг оживился Роберт, — а помнишь наш акробатический трюк? Со школьного конкурса? Давай повторим!

Вэлент посмотрел на него с сомнением.

— Здесь? В ресторане?

— Ну давай! Всего разок. Люди оценят. И Мегги пусть посмотрит, на что её муж способен.

Он покосился на Маргарит. Она улыбнулась и кивнула: «Давай». И он сдался.

Друзья встали, сняли пиджаки, часы, закатали рукава. Алекс, посмеиваясь, принял у них вещи.

— Ну, давайте, парни. Как в старые добрые.

Официанты, заметив приготовления, поспешно отодвинули столы. Зал притих.

Роберт и Вэлент встали спиной друг к другу в противоположных концах освободившегося пространства. Отсчитали тридцать шагов, развернулись лицом к лицу. Вэлент поднял руку:

— Один, два, три!

Они рванули одновременно. И в этот момент Маргарит увидела.

Вокруг Роберта, когда он оттолкнулся от пола, на мгновение вспыхнуло лёгкое свечение — тёплое, золотисто-оранжевое, словно солнечный луч, пробившийся сквозь шторы. Оно было едва заметным, почти миражом, но она успела заметить. Вэлент... у Вэлента не было свечения вокруг тела, но его глаза — когда он на секунду встретился с ней взглядом в полёте — блеснули синим. Не просто синим. Глубоким, как вечернее небо, с искрой, от которой по спине побежали мурашки.

Они пронеслись друг над другом, приземлились на руки, перекувыркнулись и встали в противоположных концах — на одно колено, руки в стороны. Зал взорвался аплодисментами. Маргарит моргнула — свечения больше не было, глаза Вэлента снова стали обычными, спокойными.

«Что это было? — пронеслось у неё в голове. — Мне показалось? Или свет в зале так сыграл?»

Она смотрела, как они возвращаются к столику — покрасневшиеся, запыхавшиеся. Роберт хлопнул Вэлента по плечу, тот не отдёргнулся — позволил. Маргарит заметила, как напряжение в его плечах чуть ослабло.

— Молодцы, — одобрил Алекс, протягивая им пиджаки. — Я видел это раньше, но в туфлях... сложнее, да?

— В туфлях всегда сложнее, — согласился Вэлент, и в его голосе впервые за вечер мелькнуло что-то похожее на теплоту.

Они снова сели. Роберт разлил остатки шампанского.

— За дружбу, — сказал он просто. — За то, чтобы через всё это пройти и вернуться. Все вместе.

— За дружбу, — эхом отозвался Алекс.

Вэлент поднял бокал, встретился взглядом сначала с Робертом, потом с Алексом. Ничего не сказал, но они поняли. Чокнулись, выпили.

Маргарит смотрела на Вэлента и думала, что сегодня он позволил себе быть собой — пусть на мгновение, пусть под шампанским. Но то, что она увидела во время прыжка... это было странно. И пугающе. И почему-то — завораживающе.

Она посмотрела на своё кольцо. Малахитовая вставка едва заметно теплилась — не светила, но была тёплой на ощупь, словно живая.

«Свет есть во всём», — вспомнила она слова Вэлента. Может быть, сегодня она впервые начала его видеть.

7. Парк

Роберт предложил прогуляться в парке у набережной. В темноте мягко светились чугунные фонари, отражаясь в водах реки. Ночная прогулка стала бальзамом после напряжения.

— Я рад, что ты повеселел, — подмигнул Роберт. — Не ожидали такой реакции... Вот как бывает, когда под венец ведут!

— Под венец? — переспросил Вэлент, и на лбу выступили капельки пота.

— Кто такую церемонию заказал? — добавил Алекс.

— Это не я, — быстро ответил Вэлент. — Стил? Он даже кольца купил?

— Это я... мы со Стилом всё обговорили, — вступила Маргарит. — Идея показалась интересной.

— Интересной! — воскликнул Вэлент. — Маргарит, какой у тебя интерес? — он осёкся, голос дрогнул.

— У тебя есть девушка? — спросила она прямо и тихо, беря его под руку.

Он дёрнулся, но она лишь крепче сжала пальцы. Друзья зашагали вперёд, оставив их наедине.

— Я уже кому-то дорогу перешла? — шепнула она.

— Всем! — тихо выдохнул он. — Я пьян, мне домой... надо.

Она не отпускала. В его интонации почудилась слабина хмельного человека.

— Как их зовут? — прошептала она, наклоняясь ближе.

Запах алкоголя смешался с терпким ароматом его парфюма, создавая пьянящую, интимную смесь. Вэлент замер. Он чувствовал тепло её дыхания на своей щеке, и это жгло сильнее пощёчины. Он резко высвободил руку, разрывая контакт.

— Ты мне временная жена, вот ею и останься, — сказал он заплетающимся языком, но стараясь держаться. — Свободная... лёгкая.

— Почему? — её голос дрогнул от уколотой гордости.

— Ты знаешь, какому роду мы принадлежим? Не те вопросы задаёшь, госпожа Де-Вит.

— Роду Де-Вит, и что?

— А то, что у нас есть свои правила.

Маргарит прищурилась. Он не просто отгораживался — он захлопывал дверь, намекая на какую-то тёмную родословную. Их родословную! Но чем громче хлопала дверь, тем сильнее ей хотелось войти.

— Я получу на все ответы. Я рода Вит! — сказала она, снова беря его под руку — теперь это был не порыв нежности, а тактический манёвр.

— Дедушка меня приглашал на праздники, говорил, там много притягательных женихов!

— А что не поехала? — буркнул он. — Том вскружил голову?

— Вскружил!

— Это хорошо. Ты определилась в свои восемнадцать! В нашем роду, коль палец кольцом увенчан! Так что беги к нему, Маргарит. Беги, пока я тебя не утянул туда, откуда тяжело вернуться.

Маргарит вздрогнула. Перед глазами нахлынули воспоминания: как Том в детстве дёргал её за косичку, а потом кружил, и ей это нравилось. Тёплое, светлое воспоминание. Кольцо Тома! Она сняла его, но ещё не вернула.

Но сейчас, стоя в темноте рядом с Вэлентом, чья рука под её пальцами была напряжена как стальной канат, это воспоминание не согрело, а кольнуло горечью.

— А если Томас не моя судьба? — тихо, но твёрдо сказала она. — Я теперь твоя жена, пусть и временная. Я имею право знать, от чего ты меня ограждаешь?

Она сделала шаг вперёд, сокращая расстояние. Он отступил. Она сделала ещё шаг. Он упёрся спиной в дерево.

— Ты не понимаешь, — прохрипел он, и в его глазах, затуманенных алкоголем, плеснулось недовольство.

— Так объясни, — прошептала она, кладя ладонь ему на грудь, туда, где бешено колотилось сердце. — Сделай так, чтобы я поняла. Или ты боишься, что, поняв, я не уйду?

Вэлент смотрел на неё сверху вниз. В этом взгляде смешалось всё: отчаяние, восхищение её смелостью и усталость от многолетнего молчания. Её рука на его груди жгла сквозь ткань пиджака. Он должен был оттолкнуть её. Должен уйти. Но тело не слушалось.

— Маргарит... — выдохнул он предупреждающе, но имя прозвучало как мольба. — Ты не будешь прежней. Тебе будет многое доступно, но твоя жизнь уйдёт в тень, не будет яркой и свободной!

Она не отводила взгляда. Её пальцы скользнули выше, к лацкану пиджака, задержались там. Томас был прошлым, лёгким и беззаботным, как летний ветер. А Вэлент — это скрытая мощь, шторм. Опасный, тёмный, но манящий. Медленная, уверенная улыбка тронула её губы. Она отпустила его пиджак и, глядя ему прямо в глаза, поднесла свою правую руку к его лицу. Медленно повернула её так, чтобы тусклый свет упал на безымянный палец с кольцом.

— В нашем роду, коль палец кольцом увенчан, — процитировала она его же слова низким, вкрадчивым голосом. — Это ты только что сказал, да, Вэл?

Он замер. Его взгляд приклеился к её пальцу.

— Так палец сейчас... — она сделала паузу, — твоим кольцом увенчан? Не Тома?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и опасный. Вэлент сглотнул.

— Моим, — выдавил он хрипло. — Временное... недоразумение.

— Недоразумение? — переспросила она с вызовом. — Тогда почему ты смотришь на меня как на свою собственность?

Он дёрнулся, будто она толкнула его.

— Потому что всё настоящее, и ты обещала это остановить! — вырвалось громче, чем следовало. Он сжал её запястье — не больно, но крепко. — Ты думаешь, это игра? Думаешь, я страдалец, которого можно исцелить любовью? Я — опиум, Маргарит. Опиум превосходства! Для таких, как ты, не посвящённых, я могу стать зависимой дозой. — Он остановился, переводя дух, и закончил уже спокойнее: — Придерживаемся изначального плана. Свободна!

— План? Они редко выполняются в полном объёме, всегда нужны корректировки! — не отступала она. — И это и есть свобода? Болеть от зависимости будем вместе?

Он отпустил её руку так резко, будто обжёгся. Отшатнулся, вжимаясь в дерево. Её ладонь жгла. Сквозь рубашку, сквозь кожу, прямо в ту пустоту, что образовалась после смерти мамы. Он чувствовал её пульс — быстрый, испуганный, но решительный. Она не понимала, что играет с огнём. Этот огонь уже лижет его вены изнутри. Если он сейчас не уйдёт, он сожжёт её. Или она спасёт его. И то, и другое одинаково страшно.

— А мне кажется, — она приблизилась к нему, сокращая последние сантиметры, — что ты боишься чего-то. Боишься, что я останусь и не разведусь? Я что-то узнаю? От чего не смогу отказаться?

Она подняла руку и коснулась его щеки. Он вздрогнул, как от удара током, но не отстранился. В его глазах плескалась такая бездна одиночества, что у Маргарит перехватило дыхание.

— Я имею на тебя право, — тихо, но отчётливо произнесла она. — По документам. По кольцу. По той секунде, когда ты смотрел на меня сегодня вечером так, будто я — твой последний глоток воздуха. Временно? Пусть временно. Но сейчас — ты мой.

Она провела большим пальцем по его скуле, чувствуя, как под кожей ходит твёрдый, напряжённый желвак.

— И я не отдам тебя теням, Вэл. Ни сегодня, ни завтра. Никому не отдам. Ты слышишь? Мы с тобой Де-Вит!

Он закрыл глаза. Его грудь тяжело вздымалась под её рукой. Казалось, внутри него идёт последний, самый отчаянный бой.

— Но не смей отталкивать. Потому что я не уйду. Я — твоя жена. Временная. Но сейчас, здесь — твоя. А ты — мой, — повторила она, наклоняясь ближе, почти касаясь губами его губ. Тишина. Только их дыхание, смешанное в едином ритме. Он не двинулся.

В этот миг из темноты донёлся голос Роберта:

— Эй, голубки! Там такси подъехало, идёте или как?

Вэлент моргнул, словно очнулся. Осторожно отстранился, провёл рукой по лицу.

— Идём, — ответил он хрипло. Повернулся к Маргарит: — Тебя ждёт брат. Пора домой. Спокойной ночи.

Не дожидаясь ответа, он зашагал прочь, растворяясь в ночной тьме. Маргарит смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри бушует вихрь гнева и любопытства. Она чувствовала — это может перевернуть её мир, потому что в его глазах она увидела отражение своей собственной уязвимости и силы.

8. Отец и дед

Вэлент проснулся от того, что в глаза светило солнце. Он привстал, шурясь от яркого света, и с трудом разглядел на экране телефона время. Был полдень.

— Я вчера был опрометчив, — пробормотал он, сжимая виски. — Я же знаю, что алкоголь мне нежелателен. Что на меня нашло?

Пропущенный вызов от отца. «С дедом поговорю позже. Что это? Видеозвонок?»

Он принял вызов.

— Здравствуй, отец.

— Здравствуй, сын. Когда тебя ждать в Шардже? — голос Майкла звучал бодро, но в глазах читалось беспокойство.

— Точно пока не скажу. Послезавтра лечу в Багдад...

— Багдад? — отец подался вперёд, нахмурившись.

— Да, Багдад. Я с дедом согласовал поездку.

— Это его идея или твоя? — в голосе Майкла появилась тревога.

— Моя. Обстоятельства таковы, что надо решить одну проблему. Но это не самое главное, отец. Тебе это не понравится...

Майкл откинулся в кресле, скрестил руки на груди. В его глазах мелькнула усталость человека, который уже не раз слышал подобные вступления.

— Продолжаешь играть с огнём? Только любовь деда спасла тебя от... Говори!

Вэлент выдержал паузу. Он знал, что следующие слова ударят отца сильнее, чем тот готов выдержать. Но мягче сказать было нельзя.

— Дед предупредил не играть больше с твоим огнём, но я всё же рискну. Я женился... на Маргарит.

— Повтори! — резко и холодно потребовал отец.

— Вчера я зарегистрировал брак с Маргарит Де-Вит. Глава в курсе.

Отец и сын смотрели друг на друга через экран. Майкл молчал, и в этой тишине Вэлент слышал, как рушатся последние планы отца — те, что он строил годами, пытаясь уберечь сына от самого себя. Наконец смысл сказанного, тяжёлый и неумолимый, дошёл до Майкла. Он медленно покачал головой:

— В Шардже... будет... скандал.

— Жених Амины — Макс.

— Почему ты никогда не слушаешь меня? — в голосе Майкла прорвалась не злость, а глухая, застарелая боль. Он смотрел на сына так, словно видел перед собой не взрослого мужчину, а того самого мальчика, который когда-то вот так же — спокойно и непреклонно — объявил, что не женится на Амине. И всё сломалось.

— А ты меня слышишь? — Вэлент посмотрел отцу прямо в глаза.

— Я?

— Регина! Амина! Хватит! — Вэлент говорил спокойно, но в голосе звенела сталь. — Я хотел жениться... Что вы с Адрианом сделали? Это вы сломали всё! И деда убедили!

Он тряхнул головой, отгоняя видение — снег, Неву, тот разговор, который мог всё изменить. «Всё правильно. Род важнее».

Отец молчал. Его плечи опустились, пальцы, сжимавшие подлокотник, побелели. Он хотел сказать что-то ещё — может быть, о той девушке, о Петербурге, о том, что он пытался уберечь сына от ошибки, которую сам когда-то совершил. Но слова застревали в горле. Он не имел права. Не теперь.

Вэлент, заметив, как отец осунулся, смягчил тон:

— К Новому году я предстану перед главой и советом на покаяние и верну все свои позиции в семье. А мой брат продолжит укреплять свои позиции в Шардже.

— Вы с Максом всё спланировали? — голос Майкла прозвучал глухо, почти без эмоций.

— У вас с Мухаммедом Ибн Али был же выбор? Я сразу отрицательно ответил! Макс любит Амину! — Вэлент помолчал и мягко добавил: — Отец, но это же правильно?

Майкл долго смотрел на сына. В его взгляде боролись гнев, страх и что-то ещё — может быть, гордость, которую он не позволял себе показать. Наконец он выдохнул, и с этим выдохом ушла последняя попытка удержать сына в той колее, которую он для него проложил.

— Мухаммед Ибн Али — не простой человек в стране... Ситуация мне ясна. Ты сделал по-своему. Готовься отвечать. — Майкл вздохнул, и в его голосе проступила усталость. — Хотя я и зол на тебя, но ты мой... До свидания! Сын!

Экран погас. Вэлент ещё несколько секунд смотрел в пустоту, чувствуя, как внутри саднит от этого разговора. Отец пытался его уберечь — как умел. Но он уже не мог позволить, чтобы кто-то, даже родной отец, решал за него. Даже если этот путь вёл напрямиком в пекло.

— До свидания... отец, — тихо сказал Вэлент, глядя на погасший экран.

— —

Он сварил кофе, перекусил хлебом с мясом и, переведя дух после тяжёлого разговора с отцом, сам вышел на видеосвязь с главой рода.

— Здравствуй, дед!

— Здравствуй, внук. Ты сегодня дома? — Шон сидел в своём монреальском кабинете, и Вэлент сразу отметил: дед не в халате, а при полном параде, с неизменной трубкой в руке. Значит, день у него расписан по минутам, и этот разговор — лишь один из многих. Но взгляд — цепкий, внимательный, изучающий — говорил: «Ты важен. Всё остальное подождёт».

— Вчера немного перебрал с шампанским. Галстуки, музыка, кольца...

— Это хорошо, что отвлёкся, — Шон понимающе кивнул, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое. Но тут же исчезло, уступив место привычной деловой сосредоточенности. — Отцу сказал о браке?

— Да, только что.

— Как он отреагировал?

— Сказал, что я никого не слушаю.

Шон чуть заметно усмехнулся в усы — не зло, скорее с пониманием.

— Ты сообщил, что брак фиктивный?

— Нет.

— Тогда в твоих интересах удержать Маргарит дольше поездки!

Вэлент почувствовал, как внутри что-то сжалось. Дед говорил спокойно, но за этим спокойствием стоял холодный, выверенный расчёт. Он не спрашивал, не советовал — он направлял. И Вэлент знал: спорить бесполезно. Можно только принять и действовать.

— Дед! Кодекс не нарушу. Но брак временный, Мегги сама вчера подтвердила. Я на её решение не влияю. Потом буду свободен и всецело посвящу себя компании и роду. Таков план.

— Маргарит — наша кровь. Она когнат. — Шон подался вперёд, и голос его приобрёл ту особую, не терпящую возражений твёрдость, которую Вэлент слышал лишь несколько раз в жизни. — Ты помнишь, что решение жениться на ней когда-то было твоим?

Вэлент опустил глаза. Помнил. Конечно, помнил. Только всё пошло не так. Жизнь сломала тот план, разметала в пыль, а теперь дед, словно искусный архитектор, собирал обломки в новую конструкцию. И он, Вэлент, был в ней центральной балкой.

— Всё пошло не так, — повторил он вслух, скорее для себя, чем для деда.

— Так или не так, а Маргарит должна наконец стать полноправным членом рода Вит. — Шон выдержал паузу, давая внуку осознать весомость следующих слов. — А если она испугается?

— Сделаешь всё правильно! Примет нашу сущность. Она сильный когнат. — И затем, чуть повысив голос, словно ставя печать: — Я, Шон Де-Вит, и моя воля такова: ты продолжишь процедуру посвящения Маргарит в кодекс — Уложение рода Вит!

Вэлент выпрямился. Это был не совет. Это был приказ. И он принял его.

— Принял, Глава.

Повисла тишина. В голове застряло слово: «продолжишь». Значит, посвящение уже началось. А он и не заметил. Или не хотел замечать.

Дед посмотрел на часы и уже другим, более будничным тоном перешёл к делу:

— Выяснили, что за захватом может стоять группа... МККК сообщили, что всё готово. Мои друзья помогут, обеспечат охрану. С тобой свяжется Рахим. Полетишь рейсовым! Через Амман! Твой туда пригонят. Справишься?

— Да.

— Береги себя и Маргарит. Вы мне нужны здоровыми и сильными. — И вдруг голос Шона стал тише, почти доверительным, и Вэлент почувствовал: сейчас прозвучит что-то, ради чего дед и затеял этот разговор. — И ещё... у меня к тебе поручение.

Вэлент замер.

— Зульфия, мать Амины, ищет своего родственника, дядю. Она родом из Ирака. Я обещал помочь.

— И ты хочешь, чтобы я...

— Присмотрись, — перебил Шон. — Нащупай ниточки. Там, в Багдаде, у тебя будет время и возможность. И помни: снисходительность Зульфий сейчас нам нужна, особенно тебе. До свидания, внук.

— До свидания.

Экран погас. Вэлент налил ещё кофе, дожевал остывшее мясо и погрузился в раздумья.

«Попал... Но всё же она — невеста Тома, между нами связь тонка. А не сговорились ли вы? Представитель Красного Креста предложил брак... Не там ли меня собираются дальше „лечить“? В Багдад мы всего на несколько дней. Маловато для „выздоровления“. Ну что ж — я жив, женат и лечу спасать друга. Пока не так и плохо. Даже... интересно».

Он сделал глоток горького кофе, и взгляд его утонул вдали, где Бостон шумел своей свободной, неостановимой жизнью. В груди щемило — тревогой, упрёком, смутной надеждой. Всё было запутано, опасно, не по его плану. Но в этой путанице, как луч в трещине, мерцало что-то новое. Что-то живое...

9. Перед вылетом

Звонок в дверь. Вэлент открыл — на пороге стояли Роберт, Алекс и Маргарит. Роберт сразу шагнул внутрь, потирая замёрзшие руки.

— Ну и ветер сегодня. Чуть с ног не сдувает. Документы у тебя?

— Готовы. Вылет завтра, — Вэлент посторонился, пропуская всех в прихожую.

Алекс, стягивая шарф, бросил взгляд на разложенные в гостиной карты и усмехнулся:

— Смотрю, ты уже всё продумал. А мы-то думали, без нас не справишься.

— С вами спокойнее, — ответил Вэлент просто, и в его голосе не было лести — только правда.

Маргарит, вешая пальто, поймала его взгляд и чуть заметно улыбнулась. Он не ответил, но что-то в его лице смягчилось.

В гостиной друзья расселись вокруг журнального столика, разложили карты, принялись обсуждать схемы обмена денег и возможные варианты развития событий. Вэлент слушал молча, изредка кивая. Его пальцы машинально крутили кольцо на правой руке — единственный жест, выдававший внутреннее напряжение.

— Вэл, а стрелять умеешь? — вдруг спросил Алекс, отрываясь от карты.

Вэлент поднял глаза. Пауза.

— Нет. Обхожусь.

Роберт усмехнулся, переглянувшись с Алексом.

— Ладно, хватит о грустном. Я, например, голодный. Вэл, у тебя найдётся что-нибудь пожевать? А то с утра на ногах.

— Присоединяюсь, — поднял руку Алекс. — Давайте перекусим, а потом ещё раз всё проверим.

— Идём, — Вэлент поднялся и направился на кухню.

Маргарит встала следом, бросив друзьям через плечо:

— Я помогу. А вы пока карты не потеряйте.

— Постараемся, — отозвался Роберт, уже уткнувшись в схему.

На кухне Вэлент открыл холодильник, достал мясо, сыр, зелень. Маргарит встала рядом, оглядывая полки.

— Ты голодна? — спросил он.

— Немного. А лист салатный есть?

Они одновременно потянулись к ручке холодильника — пальцы встретились. Лёгкое, тёплое прикосновение. И в этот момент Маргарит увидела: кольцо на её пальце едва заметно вспыхнуло — мягким, зеленовато-золотистым светом. Всего на мгновение, но она успела заметить. И его кольцо — она точно видела — ответило тем же.

Вэлент отдернул руку первым, словно обжёгся. Но не от неожиданности — он тоже это видел. Маргарит сделала вид, что ищет салат, хотя щёки предательски порозовели.

— Оно... светилось? — спросила она тихо, не глядя на него.

Вэлент помолчал. Потом взял её за руку — осторожно, почти невесомо, и поднёс кольцо к свету. Камень внутри платины всё ещё слабо пульсировал, словно живое сердце.

— Малахит, — сказал он тихо. — Родовой камень. Он отзывается на... близких людей. На тех, кто одной крови. Или... на тех, кто должен ею стать.

— Должен стать? — она подняла на него глаза, и в них плескалось столько вопросов, что он на мгновение растерялся.

«Приказ Главы, — напомнил он себе. — Ты должен продолжить посвящение. Не сопротивляйся».

— В нашей семье многое передаётся... необычным путём, — заговорил он медленно, подбирая слова. — Ты уже чувствуешь, что кольцо тёплое. Со временем будешь чувствовать больше. Это... особенность нашего рода.

— Какая особенность?

Вэлент посмотрел на неё долгим взглядом. Она не боялась — ей было любопытно. И это любопытство, жадное, живое, вдруг показалось ему тем самым «лучом в трещине», о котором он думал утром.

— Мы чувствуем больше, чем обычные люди, — ответил он наконец. — Видим то, что другие не видят. Но это не всегда безопасно. Поэтому я прошу тебя: в Багдаде будь рядом. Слушайся меня. Даже если будет казаться, что я перегибаю.

— Ты сказал ребятам, что обойдёшься без оружия. Там опасно, наверное. Как?

— Я участвовал в определённых операциях с братьями.

— С какими? Максом и Мишелем? — Маргарит удивлённо подняла бровь.

— Нет. Алессандро, Давид и Серж. Они окончили военные академии.

— Ты же инженер?

— Да. Это основное. Мирное.

— А есть воинственное?

Вэлент посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то древнее, глубинное — то, что обычно прятал за маской спокойствия.

— Ты знаешь, что значит наша фамилия — Вит?

— Нет.

— Вит — от латинского «жизнь». «Витязь» по-русски — не просто воин. Это хозяин, владыка. Тот, кто защищает свой дом.

Маргарит смотрела на него будто впервые.

— Поэтому ты не боишься? Дело в фамилии?

— В семье. В воспитании, в условиях для развития. Я мужчина, физическая подготовка есть. У меня высокие шансы выжить. — Уголок его губ дрогнул. — Поэтому будь всегда рядом со мной или в поле моего зрения.

— А что лучше — вдовец или разведённый? — нервно улыбнулась она.

— Нет варианта позитивнее? — он вдруг улыбнулся открыто, тепло. — Мы все вернёмся домой, Маргарит. Бутерброды готовы.

Они вернулись в гостиную с подносом. Роберт, увидев еду, оживился:

— Ну наконец-то! А то я уж думал, вы там решили без нас поужинать.

— Обсуждали тактику выживания, — ответил Вэлент, ставя поднос на стол.

— И как? — Алекс взял бутерброд.

— Решили, что вернёмся все.

— Отличная тактика, — одобрил Роберт. — Мне нравится.

Вечер затянулся. Маргарит чувствовала усталость.

— Мой брат не собирается уходить, а объясняться перед родителями, почему мы не вместе вернулись, не хочется, — тихо сказала она Вэленту. — Можно я лягу у тебя в комнате?

— Хорошо. Располагайся.

Она впервые переступила порог его спальни. Сдержанная, чистая, без лишних деталей. Маргарит легла на его постель, коснулась подушки.

«Пахнет только им... мужчиной. Я его жена. Кольцо есть... на другой руке, словно мы уже разведены. Ревнуешь? Всего второй день жена? Да он такой зажатый, от всех девушек шарахается... Был ли у него вообще секс? Ему уже тридцать. Сколько подруг по нему сохло! А может, он мальчиков любит? Нет, не похоже... Что с тобой, Вэл? Ты как-то изменился за эти два года. Как ты прекрасно играешь на скрипке. И кольцо... оно светило. Он сказал — на близких. На тех, кто должен стать кровью. Что это значит?»

Мысли путались.

«Чувствую, что увлеклась не тем парнем и что-то важное упустила...»

10. Дорога в пекло

В офисе Вэлент проработал до вечера, но кабинет стал проходным двором. Сотрудницы то и дело возникали на пороге с отчётами, которые могли бы подождать, заглядывали через плечо, провожали взглядами до кофемашины. Переглядывались. Хихикали.

Вэлент не понимал. Он привык к своей невидимости — человек-тень, который появляется, говорит по делу и исчезает. А тут на него смотрели. И улыбались.

На выходе он столкнулся с господином Альбертом Трейдом и группой сотрудниц. Замер. — Господин Трейд. Отчёт... несу. Я скоро улетаю.

— Да, я помню! — Трейд кивнул и посторонился, пропуская.

Девушки за его спиной снова улыбнулись. Вэлент машинально поправил галстук, и взгляд упал на собственную руку. Палец. Металл.

— Идиот! — мысленно хлопнул он себя по лбу. — Кольцо! Ты не снял его!

Он коротко кивнул и быстро вышел, чувствуя спиной любопытные взгляды.

— —

Аэропорт встретил гулом. Вэлент замер у входа, оглушённый толпой. Шесть лет он поднимался в небо иначе — без очередей, через стеклянный зал для частных рейсов. Теперь всё по-другому. Он влился в общий поток, и люди понесли его к стойкам.

Увидел Маргарит. Она махала.

— Стойка регистрации там. Что не так?

— Много людей.

— Паспорт давай.

Они прошли контроль. Выходя из последней комнаты, Маргарит взяла его под руку. Тело Вэлента напряглось — она чувствовала каждую мышцу. Когда люди подходили слишком близко, напряжение нарастало, отступало только когда толпа расступалась.

«Буду держать его за руку всегда», — решила она.

Сжала ладонь крепче. Его рука была горячее — удивительно: в стрессе у людей обычно холодные и влажные ладони. Он то отпускал её руку, то снова брал, словно проверял, что она рядом.

Маргарит нашла место подальше от людей. Сели. Вэлент молча рассматривал пассажиров — долго, пристально, будто сканировал.

— Ты взволнован? Ты как обычно летаешь? — спросила она, вернувшись с кофе.

— Частным. Там сразу прохожу. Я потерплю.

Объявили посадку.

— Зайдём последними, — решила Маргарит. — Чтобы людей меньше.

В салоне показала на место у окна. Он сел, прижавшись к иллюминатору. В полёте напряжение таяло. Казалось, уснул — но на вопросы отвечал. Односложно. «Да». «Нет». «Хорошо».

— —

Амман встретил сухим воздухом. Четыре часа до рейса в Багдад. Встретились с группой МККК, прошли контроль — и снова такси. Тысяча километров до границы.

Дорога по Иордании — односторонняя, забитая фурами. Ехали медленно. Вэлент молчал, смотрел в окно. Иногда закрывал глаза — не спал, отключался от мира.

«Город-крепость. Город-ловушка. Каждый дом может быть точкой снайпера, каждая машина — начинённой взрывчаткой. Маргарит сидит рядом, дышит и не представляет, насколько мы уязвимы. Я должен создавать купол. Постоянно. Даже если это выжжет меня дотла. Ради неё».

На территории Ирака шоссе стало четырёхполосным, свободным. Таксисты неслись рядом, перекиваясь на скорости. Хаос, гул, ветер.

Маргарит смотрела на Вэлента. Они сидели рядом, и ей вдруг показалось, что они внутри прозрачного шара — невидимого, но прочного. Снаружи хаос, чужие голоса, опасность, а здесь, внутри, только тишина и его присутствие. И, кажется, пока они вместе, шар выдержит что угодно.

«Кто ты?»

Он почувствовал взгляд. Повернулся. В синих глазах — усталость и что-то ещё, что он никогда не скажет вслух.

Часть вторая. Багдад. Путь посвящения

Акт первый. Спасение Тома

11. Багдад — город призраков. Пыль и надежда

Багдад дышал пылью — тяжёлой, серой, как пепел надежд. Город-призрак, застывший между вечностью и апокалипсисом. Тигр нёс отражения минаретов, а по набережным, урча древними моторами, ползли развалины американских автомобилей — последнее, что ещё могло ездить. Тень эмбарго висела невидимой сетью: в пустых полках, немых взглядах на КПП.

На въезде в парадный район вздымались две гигантские арки с перекрещенными мечами — «Руки Победы». Мечи, отлитые из оружия погибших, взмывали в небо, а у основания в бетоне застыли сотни иранских касок — напоминание о войне, закончившейся ничем. Кулаки, сжимающие мечи, были слепком с рук Саддама Хусейна. Багдад не жил — он длился. Как пауза между строк в приговоре.

Все тяготы пути растаяли, когда Вэлентайн и Маргарит переступили порог отеля «Аль-Рашид». Здесь, за тяжёлыми дверями, время будто останавливалось — кондиционированная прохлада, приглушённый свет, запах старой роскоши. Портье говорил вполголоса, как в библиотеке. Но в тишине чувствовалось напряжение: за зеркальными стёклами угадывались взгляды охраны.

Представители МККК заранее дали знать: свяжутся, помогут с обменом, сопровождают. Деньги разделили — часть у доверенного лица из Комитета. Сотовая связь под запретом, лишь старая аналоговая телефония тонкой нитью связывала с миром.

В фойе Маргарит сориентировалась — ещё на паспортном контроле сунула оба паспорта в сумочку, пока Вэлент растерянно озирался.

— Господин и госпожа Де-Вит, номер 215, вас проводят.

Они вошли в просторный, но аскетичный номер: огромная кровать, диван с журнальным столиком, аналоговый телефон, санузел — оазис прохлады.

Усталость навалилась тяжким покрывалом. Маргарит пошла в душ. Когда вышла, Вэлент сидел на диване с закрытыми глазами — маска уставшей сосредоточенности. Увидев её, встал и молча прошёл в ванную. Вид озадаченный, но сквозь скованность пробивалась тихая уверенность. Сердце Маргарит сжалось от нежности и облегчения.

— Ты уже оделся? — спросила она, когда он вернулся.

— Да. Мы в чужой стране. — Голос низкий, ровный. — Извини, если пугаю тебя. Обратным таким путём не полечу.

Они спустились в ресторан. Аромат специй, жареного мяса, тёплого хлеба повёл их к столику в углу. Официант замер, услышав безупречный арабский Вэлента.

Между ними витала неловкость, но рядом с ним Маргарит ощущала странное спокойствие. Его раздражительность ушла, уступив место тихой, несокрушимой защите.

«Правы были парни, — шептало внутри. — С Вэлом спокойно. Надёжно. Он всегда найдёт выход. Сейчас не отстраняется. Берёт меня за руку. Стоит кому-то приблизиться — в нём просыпается сторож».

Принесли еду — простую, но аппетитно пахнущую.

— Как ты? — тихо спросил Вэлент.

— Лучше. Но... за нами наблюдают.

— Верно. Мы как белые вороны. Не говори громко по-английски, практикуй французский или арабский. И не забывай — мы женаты. В этой стране ведёт мужчина. Если что-то нужно — скажи мне.

— Поняла.

Они доели, Вэлент оплатил, и они вернулись в номер. Маргарит бросила взгляд на огромную кровать.

— Я тебе на диване постелю.

— Конечно.

Она расстелила простыню, взбила подушку. Скинула брюки и скользнула под одеяло. Проваливаясь в сон, уловила скрип дивана — Вэлент устраивался на своём посту. В тишине, в ритме его дыхания она почувствовала, как незримая связь между ними исцеляет раны долгого пути.

12. Ночные прятки. Щит во тьме

Маргарит проснулась от прикосновения к плечу. Вэлент приложил палец к губам и знаком показал следовать за ним. Они вышли из номера. Он бесшумно притворил дверь, подошёл к комнате напротив, что-то сделал с замком — щёлк, и они скользнули в темноту.

В непроглядной черноте Маргарит наткнулась на него, едва не потеряв равновесие. Он подхватил её — мгновенное напряжение тела, тёплое, притягательное, — но быстро отпустил и прошептал:

— У нас гости. Переночуем здесь. Ложись, я рядом.

Он сел в кресло, напротив. Она легла поверх одеяла, укрывшись краем. Сон накрыл тяжёлой волной.

Проснулась от тонкого лучика солнца, пробивающегося через щель зашторенных окон.

— Доброе утро, — раздалось из полумрака.

— Доброе.

Она повернулась к нему. В глазах, ещё мутных от сна, вспыхнула благодарность. Он сидел в кресле, плечи сгорблены, будто всю ночь нёс груз их тайны. Сумка с деньгами лежала рядом.

Вэлент улыбнулся — но в улыбке светилась усталость. Он поднялся, шагнул к ней.

— Гости ушли, но мир не изменился, — тихо сказал он.

Она протянула руку, коснулась его ладони. Горячие, сухие. В этом прикосновении — вся её обнажённая душа: страх потерять, радость близости.

13. Почти свободны

Номер был открыт. Запах чужого присутствия, духота. Маргарит распахнула окно, и в тот же миг трель телефона полоснула по тишине. Она вздрогнула. Вэлент снял трубку после третьего гудка. Маргарит вцепилась в подоконник так, что побелели костяшки.

Искажённый помехами голос диктовал условия. Вэлент слушал молча, роняя короткое «Да», «Понял». Маргарит подошла ближе, и теперь ей стал слышен голос в трубке. Сквозь шипение пробился другой звук. Голос Тома. Надтреснутый, сиплый, но живой.

— Мегги... — простонал динамик.

Сердце рухнуло куда-то в живот. Голос Тома смолк, связь оборвалась.

— Мы здесь, — выдохнула она, и в этом выдохе была мольба.

Вэлент уже набирал номер. Короткий звонок в МККК, скупые инструкции. Ни тени сомнения, ни лишнего слова.

«Под контролем, — эхом отдалось в её голове. — Господи, какой тут контроль?»

Через час они ждали в пустынном фойе. Вэлент стоял рядом, сумка с деньгами висела на плече как обычный портфель. Он взял её за руку — пальцы сухие, твёрдые, без капли пота. Повернул её к себе.

— Будь всегда рядом со мной. Чуть позади, но в поле зрения. Говорю только я. Делаешь только то, что я скажу. Поняла?

— Поняла, — выдохнула она, хотя мысли путались.

— Не бойся. Скорее всего, нас свяжут. Я справлюсь.

«Откуда эта ледяная уверенность? — мелькнуло у неё. — Молчи, не мешай... в каких операциях он участвовал?»

Их позвали.

Дальше всё понеслось в калейдоскопе. Белая потрёпанная машина, пересадка в микроавтобус. Резкие руки обыскивали, дыша перегаром, дёргали одежду. Вспышка фотоаппарата ослепила. Сумку вырвали. Боевик с лихорадочным блеском в глазах пересчитывал пачки, слюнявая пальцы, и вдруг заорал: «Почему половина?!»

У Маргарит сердце ухнуло в пятки, колени подкосились. Вэлент даже не шелохнулся. Голос прозвучал буднично, словно он заказывал кофе в уличной кофейне: «Остальное — после передачи Тома».

Боевик сплюнул, но спорить не стал. Короткий кивок — и на головы натянули колючие, вонючие мешки. Мир почти погас.

В этой гулкой, ревущей темноте паника накрыла с головой. Она задыхалась, рвалась вдохнуть, но вонючая ткань лезла в рот. И вдруг — его дыхание у самого уха. Шёпот по-французски, тёплый, твёрдый, как приказ: «Потерпи чуть-чуть».

Его пальцы нашупали её руку, стиснули. В тот же миг — глухой, влажный звук удара. Едва слышный стон, чьё-то тело тяжело осело на пол. Она почувствовала, как дрогнул пол под ногами, но рука Вэлента не отпустила.

Микроавтобус нырнул в хаос улочек, их бросало из стороны в сторону. Наконец взвизгнули тормоза. Их выволокли, втолкнули куда-то. Дверь с лязгом захлопнулась.

Тишина. Звенящая, плотная, как вата. В ушах ещё гудел мотор, но здесь было глухо, как в могиле.

Почти в ту же секунду Вэлент стянул с неё мешок. Его пальцы — быстрые, уверенные — распутали узлы на запястьях.

— Ты как? — спросил он. Голос ровный, словно они только что вышли из лифта.

Маргарит прижалась к нему, вцепилась в куртку, пытаясь унять дрожь. Он обнял — крепко, надёжно, и волна тепла накрыла её, вытесняя ужас.

Они огляделись: закуток с коричневыми стенами в разводах. На одной — тёмное, бурое пятно. Запёкшаяся кровь. Воздух тяжёлый, с приторным, сладковатым запахом, от которого подкатывала тошнота.

— Потерпи чуть-чуть. Надо только увидеть Тома, — повторил он, держа её за руку.

И случилось невероятное: от тепла его ладони, от этого ровного, будничного голоса ледяной ком страха начал таять. Он сел прямо на пол, прислонившись к стене, и потянул её вниз. Она прильнула к нему, чувствуя, как дрожь постепенно отпускает тело. Рядом с ним, в этом смрадном аду, она ощущала невидимую силу — не угрозу, а каменную стену. И стена эта была нерушима и стойка, как блеск его синих глаз.

Минуты тянулись бесконечно. За стеной метались люди — взволнованные голоса, топот ног, выкрики. Маргарит вздрагивала при каждом звуке, вжимаясь в него. Вдруг шаги стихли. Ручка дёрнулась. Дверь распахнулась.

В проёме стоял опрятный мужчина в светлых брюках и рубашке — контраст с убожеством сарая был разительным, почти издевательским.

— Господин, госпожа Де-Вит... Здравствуйте! Вы свободны!

Вэлент поднялся одним плавным движением, заслоня собой Маргарит.

— Где Том?! — голос стальной, не терпящий возражений.

Мужчина поперхнулся, улыбка стала натянутой.

— С ним всё в порядке, скоро привезут. Меня зовут Рахим.

«Рахим. Тот самый, о котором говорил дед. Не засада», — мелькнуло у Вэлента, но он не шелохнулся, лишь слегка повернул голову, оценивая.

— Господин Де-Вит, — заговорил Рахим быстро и тихо, когда они вышли во двор. — От имени губернатора Хасана аль-Тикрити приношу извинения за недоразумение.

Им предложили присесть в тени дерева. Принесли воду. Маргарит пила жадно, обжигая горло ледяной жидкостью, пытаясь унять дрожь в руках. Вэлент лишь пригубил, не сводя глаз с ворот.

Наконец во двор ввели Тома. Вид измученный, осунувшийся, но, когда он увидел их, — в глазах полыхнул живой огонь, почти сразу сменившийся тревогой. Инстинкт выжившего.

Маргарит рванулась к нему, но рука Вэлента — мягкая, но неумолимая — сжала её запястье. Нельзя. Не время. Она замерла, чувствуя, как внутри всё кипит, но послушаться не могла.

— Я отвезу вас в гостиницу, господин Де-Вит, — склонил голову Рахим.

Двое мужчин обменялись взглядами. Том: «Что за хрень?» Вэлент: «Уходим».

Рахим суетился, приглашая в сверкающий Toyota. Разместились: Том спереди, Вэлент и Маргарит сзади.

Машина мягко тронулась. Маргарит показалось — она выныривает из холодного, тёмного озера к солнцу, к воздуху, к жизни.

— Завтра вас ожидает губернатор в своём доме, — буднично произнёс Рахим, словно речь шла о светском рауте. — Помогу подготовиться. Выбор одежды — важная формальность.

У гостиницы Рахим выскользнул из машины, протянул Вэленту сумку с деньгами. Том открыл дверцу для Маргарит. Она смотрела на него, живого, и не могла поверить. Ноги дрожали, подкашивались. Вэлент мягко взял её под локоть, и они вошли в гостиницу.

14. Все вместе

Едва дверь номера закрылась, Маргарит обняла Тома. Он стиснул её на мгновение, но почти сразу отстранился, лихорадочно оглядывая комнату.

— Что происходит?! Губернатор?

— Почему ты таким тоном? Это же мы, — резко оборвала Маргарит.

Вэлент сделал шаг назад, чувствуя исходящую от друга волну страха и возмущения.

— Мы все живы, — коротко отрезал он. — Деньги вернули. Идём на приём к губернатору. Звучит неплохо, учитывая альтернативу.

Том начал приходить в себя:

— Приём? Меня почти месяц держали в яме, чтобы теперь идти на фуршет?

— Мы прилетели вчера. Общались с людьми Красного Креста. Машины! Вооружённые люди! Сарай! Нас освободили. Привезли тебя. Вот и все события.

— Но учитывая, — тихо начала Маргарит, — что у номера вооружённая охрана... Мы все заложники, только в комфорте?

— Возможно. А может, охраняют, — Вэлент кивнул на дверь. — Те же люди, что были в гостинице вчера.

Телефонный звонок разорвал тишину. Вэлент ответил, коротко бросил «Хорошо», положил трубку.

— Завтра нас ждут в резиденции на ужин.

— Понятно, что ничего не понятно, — усмехнулась Маргарит. — Том, мы живы — это главное.

— Скоро всё узнаем, — подвёл черту Вэлент.

Друзья посидели в тишине. Вэлент подошёл к телефону, заказал еду на арабском. Маргарит взяла Тома за руку и молча повела в ванную. Вэл взглянул на них и тут же опустил глаза: «Маргарит его невеста».

Она намылила мочалку, провела по его плечу, ниже, по лопатке. Руки помнили это тело — широкие плечи, плотные мышцы. Том был солдатом, которого видно за версту. Сильным, надёжным, понятным. Но сейчас под пальцами было знакомое и одновременно чужое. Вода шумела, создавая интимный, но мучительно-неловкий кокон.

«Как он изменился, — думала Маргарит. — Уже не тот юноша из детства. Передо мной зрелый мужчина. Всё так знакомо — родинка, шрам, — но прикосновения уже не трогают. Я близка к нему, как никогда, но я уже не его».

Том покорно принимал её заботу. Закрыв глаза, отдаваясь её рукам. Переоделся в чистые вещи. Через дверь слышали голос Вэлента, который сказал, что будет в соседнем номере. Щёлкнул замок.

Они легли на кровать поверх покрывала. Том потянулся к ней по привычке. Она мягко остановила его руку.

— Мне нужно объяснить.

— Прости... за то, как я вёл себя. Я...

Она рассказала о плане, о браке с Вэлентом.

— Ты вышла замуж, чтобы приехать сюда? За Вэла?

— Он наш друг. Формальность. Временно...

Том встал, налил воды. Руки дрожали.

— Нет ничего более постоянного, чем временное, — тихо сказал он. — Спасибо тебе. И Вэлу.

— Я рада, что ты жив. Но нас больше нет.

— Я уже понял. — Он повернулся, в глазах — горькое спокойствие принявшего неизбежное. — Мне на миг показалось... Но я ошибся.

Они долго смотрели друг на друга в тишине. Тысячи несказанных слов повисли в воздухе. Усталость сомкнула веки. Уснули рядом, на одной кровати, но разделённые пропастью, которую не мог преодолеть даже пережитый ужас.

14. Все вместе

Едва дверь номера закрылась, Маргарит обняла Тома. Он стиснул её на мгновение, но почти сразу отстранился, лихорадочно оглядывая комнату.

— Что происходит?! Губернатор?

— Почему ты таким тоном? Это же мы, — резко оборвала Маргарит.

Вэлент сделал шаг назад, чувствуя исходящую от друга волну страха и возмущения.

— Мы все живы, — коротко отрезал он. — Деньги вернули. Идём на приём к губернатору. Звучит неплохо, учитывая альтернативу.

Том начал приходить в себя:

— Приём? Меня почти месяц держали в яме, чтобы теперь идти на фуршет?

— Мы прилетели вчера. Общались с людьми Красного Креста. Машины! Вооружённые люди! Сарай! Нас освободили. Привезли тебя. Вот и все события.

— Но учитывая, — тихо начала Маргарит, — что у номера вооружённая охрана... Мы все заложники, только в комфорте?

— Возможно. А может, охраняют, — Вэлент кивнул на дверь. — Те же люди, что были в гостинице вчера.

Телефонный звонок разорвал тишину. Вэлент ответил, коротко бросил «Хорошо», положил трубку.

— Завтра нас ждут в резиденции на ужин.

— Понятно, что ничего не понятно, — усмехнулась Маргарит. — Том, мы живы — это главное.

— Скоро всё узнаем, — подвёл черту Вэлент.

Друзья посидели в тишине. Вэлент подошёл к телефону, заказал еду на арабском. Маргарит взяла Тома за руку и молча повела в ванную. Вэл взглянул на них и тут же опустил глаза: «Маргарит его невеста».

Она намылила мочалку, провела по его плечу, ниже, по лопатке. Руки помнили это тело — широкие плечи, плотные мышцы. Том был солдатом, которого видно за версту. Сильным, надёжным, понятным. Но сейчас под пальцами было знакомое и одновременно чужое. Вода шумела, создавая интимный, но мучительно-неловкий кокон.

«Как он изменился, — думала Маргарит. — Уже не тот юноша из детства. Передо мной зрелый мужчина. Всё так знакомо — родинка, шрам, — но прикосновения уже не трогают. Я близка к нему, как никогда, но я уже не его».

Том покорно принимал её заботу. Закрыв глаза, отдаваясь её рукам. Переоделся в чистые вещи. Через дверь услышали голос Вэлента, который сказал, что будет в соседнем номере. Щёлкнул замок.

Они легли на кровать поверх покрывала. Том потянулся к ней по привычке. Она мягко остановила его руку.

— Мне нужно объяснить.

— Прости... за то, как я вёл себя. Я...

Она рассказала о плане, о браке с Вэлентом.

— Ты вышла замуж, чтобы приехать сюда? За Вэла?

— Он наш друг. Формальность. Временно...

Том встал, налил воды. Руки дрожали.

— Нет ничего более постоянного, чем временное, — тихо сказал он. — Спасибо тебе.

И Вэлу.

— Я рада, что ты жив. Но нас больше нет.

— Я уже понял. — Он повернулся, в глазах — горькое спокойствие принявшего неизбежное. — Мне на миг показалось... Но я ошибся.

Они долго смотрели друг на друга в тишине. Тысячи несказанных слов повисли в воздухе. Усталость сомкнула веки. Уснули рядом, на одной кровати, но разделённые пропастью, которую не мог преодолеть даже пережитый ужас.

15. Ужин в резиденции

Утром Рахим уже ждал в фойе. Короткая остановка в лавке — и Вэлент с Томасом облачились в лёгкие светлые костюмы. Когда Маргарит вышла из примерочной в длинном струящемся платье, расшитом серебряной нитью, даже продавец замер, прижав руку к груди. Вэлент смотрел на неё долю секунды дольше, чем следовало, и отвернулся.

Резиденция губернатора скрывалась за высокими стенами. Внутри мир взрывался зеленью: пальмы, кипарисы, журчащие фонтаны. В центре внутреннего двора сиял бассейн с прозрачной водой, выложенный бирюзовой плиткой. Казалось, сама архитектура здесь дышала, пряча от зноя и чужих глаз.

Маргарит шла под руку с Вэлентом, Том — чуть поодаль. «Мышь в мышеловке, — пронеслось у Вэлента. — Дед, твоих рук дело? Зачем мы здесь?»

Главный зал тонул в полумраке, разгоняемом мерцанием десятков светильников. Золото резных панелей перетекало в глубокую синеву потолка, расписанного вручную. Воздух гудел от множества голосов. Гости — генералы в безупречных мундирах, финансисты в дорогих костюмах, учёные мужи с седыми бородами — возлежали на подушках вокруг низких столиков.

Началось представление. Танцовщицы появились из ниоткуда, их руки взлетали, как птицы, звон монет на поясах отбивал ритм. Акробаты ворвались вихрем, взвиваясь под потолок, а следом ворвался огонь — языки пламени плясали в руках факиров.

Том смотрел, открыв рот. Но краем глаза следил за Маргарит и Вэлентом. Тот не смотрел на танцовщиц, не аплодировал акробатам. Когда огонь взметнулся к потолку, Вэлент даже не моргнул. Пальцы правой руки чуть заметно двигались по колену — то ли считал пульс, то ли успокаивал сам себя. Рядом плюхнулся молодой иракец, заговорил бойко. Вэлент посмотрел сквозь него, ответил односложно. Иракец посидел минуту и пересел.

— Ты их игнорируешь? — тихо спросил Том.

— Нет. Просто не вижу необходимости в словах.

Пожилой мужчина с седой бородой, подсевший через час, говорил медленно, с достоинством. Вэлент слушал, не перебивая, помолчал несколько секунд и ответил коротко, по существу. Старик кивнул, в глазах мелькнуло уважение, и он отошёл.

Юноша-распорядитель, склонившись, шепнул, что господина Де-Вита приглашают во двор — одного.

— Если бы хотели похитить, уже сделали бы, — заметил Том. Вэлент кивнул и последовал за юношей.

В саду, на открытой галерее у бассейна, его ждал губернатор. Хасан аль-Тикрити стоял, опершись на резные перила, и смотрел на игру воды. Обернулся, когда Вэлент поравнялся с ним. Заговорил на арабском — тихо, доверительно:

— Я планировал поговорить завтра, но вижу — вы уже поняли.

Пауза.

— Наша страна переживает трудные времена. Мне нужна точная информация о ресурсах, о возможностях восстановления. Больше половины больниц, школ, дорог, мостов требуют ремонта. Вам знакомо строительство. Поможете?

Вэлент смотрел прямо, не отводя взгляда:

— На какой срок моя семья продала меня в рабство?

Губернатор усмехнулся уголками губ:

— Вы шутник, господин Де-Вит. На полгода. Советником по техническим вопросам в министерстве строительства. Будете работать с моим другом Мухаммадом аль-Заиди.

— Томас Стэнли и Маргарит?

— Он свободен. Супруга остаётся с вами.

— Позвольте отправить её домой.

Губернатор покачал головой — мягко, но непреклонно:

— Думаю, знакомство с нашей страной станет для неё незабываемым. Я сотрудничал с вашей семьёй, знаю: вы аполитичны. Со своей стороны, гарантирую полный иммунитет вам и вашей супруге.

Вэлент молчал, взвешивая, потом кивнул:

— Позвольте посоветоваться с Шоном. Сообщу решение позже.

— Посоветуйтесь. — Губернатор чуть склонил голову. — Обеспечим охрану, свободу действий. Всё, что потребуется. Ас-салям алейкум.

— Ва-алейкум ас-салям.

Вэлент вернулся в зал. Ужин подходил к концу. Гости лениво потягивали чай, беседы текли вяло. Скоро стали расходиться.

В машине Том смотрел в тёмное окно, за которым проплывали редкие огни Багдада. Вэлент — в другое окно, но видел только отражение. Маргарит держала его за руку, и в этом жесте Том нашёл ответ на главный свой вопрос.

«Я его жена, — думала она, глядя на его профиль. — Я замужем за человеком, которого не понимаю. Совсем. И чем дальше, тем меньше. Но именно это почему-то тянет сильнее всего».

16. Свобода?

Вернувшись в гостиницу, ребята плюхнулись на диван.

— Говори, Вэл. Что происходит? Какова цена свободы?

— Моя работа на полгода советником в министерстве.

— Весь «выкуп» подстроен, чтобы заполучить тебя?

— Возможно. Или воспользовались ситуацией.

«Попал, Томас, — промелькнуло у Вэлента. — Но пусть так. Лучше мозги, чем то, что воспитывает семья».

— Меня оглушили в патруле, везли в машине, держали в яме. Знали обо мне всё! Записали видео.

— Том, ты свободен! Меня из страны не выпустят, охрану приставят. Есть ещё одно условие.

— Какое?

— Из страны не хотят выпускать мою жену.

Том молниеносно вскочил, вцепился Вэленту в рубашку. Рубашка распахнулась — на груди зиял свежий, глубокий ожог. Том ошеломлённо разжал пальцы.

Напряжение повисло осязаемое. После долгой паузы Томас спросил:

— Кто это сделал?

— Это личное. Я не намерен обсуждать.

Маргарит заговорила:

— Мальчики, не ссорьтесь! Полгода пролетят незаметно. Здесь живут люди, нас будут охранять.

— Есть что выпить? — спросил Томас.

— Нет. Сухой закон.

Тишина. Лишь потрескивал телевизор с арабскими новостями.

Вэлент, сидевший в кресле, казался окаменевшим. Смотрел в пустоту.

— Посольство Польши представляет интересы Америки, — неожиданно тихо сказал он.

— Я отвлеку охрану, вы уйдёте.

— Хорошо. Позже.

Маргарит сделала чай, ушла в ванную. Вэлент нарисовал схему. Маргарит легла, отвернувшись к стене.

Она лежала с закрытыми глазами, но сон не шёл. Из гостиной доносился приглушённый шёпот — мужчины обсуждали детали. Слова не разобрать, только интонации: Вэлент говорит отрывисто, Том переспрашивает.

«Они сейчас решают, как меня вывезти, — подумала Маргарит. — А я... я должна радоваться. Скоро буду дома. В Бостоне. Подальше от этой пыли, от страха, от всего».

Но внутри вместо радости шевельнулось что-то другое. «Если я уеду... я его больше не увижу. Вэла. Он останется здесь. На полгода. А может, и дольше. А я буду в Бостоне, в своей уютной квартире, пить кофе по утрам и думать... думать о нём, что его здесь оставила?»

Шёпот за стеной стих. Потом снова — теперь Том говорит быстрее, Вэлент отвечает коротко.

«Он хочет, чтобы я уехала. Он так и сказал. Для тебя безопаснее. Но почему тогда у него было такое лицо, когда он это говорил? Будто он... прощается».

Она закусила губу. В голове всплыли его глаза — там, в парке, когда она прижалась к нему. Синие, тёплые, с той странной искрой, от которой у неё перехватывало дыхание.

«Я не хочу уезжать. Господи, я же не хочу уезжать!»

Мысль пришла внезапно и оглушила. Маргарит замерла, боясь пошевелиться, будто кто-то мог услышать её мысли.

— Ты чего не спишь? — шепнула она себе. — С ума сошла? Здесь опасно. Здесь чужая страна. Здесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.